

Хрящева Н. П., Федотова Е. С.
Екатеринбург, Россия

ПОЭТИКА АББРЕВИАТУР В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕЛЕВИНА

Аннотация. В статье анализируется поэтика аббревиатур как одно из средств сатирического осмысления действительности В. Пелевиным. Игра аббревиатурами и характер их группировки позволили автору отразить сущность советской эпохи накануне ее крушения.

Ключевые слова: сатира, В. Пелевин, дискурс, словесная игра, поэтика аббревиатур, зомбификация.

Nryascheva N. P., Fedotova E. S.
Yekaterinburg, Russia

POETICS OF ABBREVIATIONS IN THE EARLY CREATION OF V. PELEVIN

Abstract. The article examines the poetics of abbreviations as a means of interpreting reality satirical V. Pelevin. Game acronyms and nature of their grouping allowed the author to capture the essence of the Soviet era on the eve of its collapse.

Key words: satire, V. Pelevin, discourse, word play, poetics abbreviations acronyms, zombification.

Сатирическая доминанта творчества В. Пелевина, одного из самых читаемых писателей России, всё более привлекает внимание исследователей. В центре их внимания преимущественно оказывается романное творчество зрелого писателя¹. Задача же нашей статьи — попытаться проанализировать «первоначальную пору» Пелевина-сатирика.

Рассказ «Зомбификация», написанный в канун социальных потрясений начала 1990-х годов, строится на ироническом «со-противо-поставлении» мистических ритуалов, имеющих место в архаической культуре жителей Гаити, и идеологической «инициации», которой подвергается советский человек. Смысл «далековатой» аналогии приоткрывается семантикой названия данного произведения, подзаголовка и эпиграфа к нему. Грамматическая форма слова, вынесенного в заглавие, указывает на процесс превращения чего-либо во что-либо (ср. модификация, унификация, интенсификация, квалификация), лексическое же значение проявляет смысл этого процесса: превращение человека в зомби. Подзаголовком «Опыт сравнительной антропологии» художник задает тон «ученого» дискурса: сопоставление ведется в рамках модного в нынешней гуманитарной науке «антропологического поворота».

«Игровой» инструментарий «сравнительной антропологии» иронически развернут в экспозиции.

Ее главное действующее лицо — герой романов Яна Флеминга Джеймс Бонд. В то время как он, изучая книгу Патрика Лэя Фермора «Дерево путешествий», где описана практика «превращения людей в зомби» [Пелевин 2005: 297]², лишь воображает «картину темной религии с ужасающими ритуалами» (298), читатель переносится автором в ее (религии) эпицентр — остров Гаити и, чтобы проверить ощущения известного киноактера, погружается в «ученый» дискурс. Попутно он отмечает сюжетный «узел» с участием огромного седого негра-зомби, успевающего работать на СМЕРШ и МВД³, и комментирует странность «связи» между гаитянскими культурами и сталинской контрразведкой, возникшей в сознании английского писателя.

Этот дискурс составляют, во-первых, естественнонаучные объяснения зомбификации, содержащиеся в трудах исследователей-этнографов: Патрика Фермора («Дерево путешествий»), Уэйда Девиса («Змей и радуга»), Зоры Херстон (неназванная в тексте книга «Мулы и мужчины»), во-вторых, из обширных фрагментов мемуарной (Е. Г. Боннер, «Постскриптум») и художественной литературы (романы Яна Флеминга «Живи и дай умереть», «Из России с любовью», «Доктор Но»). Упоминаются

²Здесь и далее цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

³ СМЕРШ — главное управление советской военной контрразведки, которое подчинялось лично Сталину и занималось «разоблачением вражеских агентов, их диверсионной и подрывной деятельности в районах боевых действий на освобожденных территориях, а также осуществляли проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной немецкими войсками территории» [Скоркин 2008: 18]. МВД — орган исполнительной власти, осуществляющий охрану правопорядка, обеспечение общественной безопасности.

¹ См., например: *Липовецкий М. Н.* Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе // Знамя. — 1999. — № 11. — С.207–215; *Маркова Т. Н.* Формотворческие тенденции в прозе конца XX века: В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин. Екатеринбург, 2003; *Кабанова И. В.* Троица по Пелевину: автор — герой — читатель в «t» // Филологический класс. — 2011. — № 25. С. 15–19; *Лестева, Т. М.* Утопия или реальность? О романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.» // Лит. учеба. — 2012. — № 3. — С. 99–103.

также религиозные трактаты («Книга мертвых») и философские идеи Карлоса Кастанеды.

«Ученая» контекстуальность определяет насыщенность повествования различной терминологией: тетродоксин, «психический фон», этнобиолог, ихтиотоксикология, «вуду-смерть»; узкоспециальной лексикой: унган (священник), боккор (колдун), Джа (космическое дыхание), zombie cadaver («зомби физического тела»); латинскими названиями: «галлюциногенная жаба bufomarinus и рыбы sphaeroides testudineus и diodonh ystrix» (306). В свою очередь, установка на «научность» закрепляется обилием конструкций научного стиля речи: «отметим связь», «исследователи давно предполагали», «образцы были сданы на анализ», «попытка дать более-менее полное описание», «занимавшаяся изучением этой проблемы»; а также введением в ткань повествования нескольких классификаций, главнейшая из которых включает в себя все виды действий колдунов: похищение части души, токсическое отравление специальным «порошком зомби», воздушный удар — проклятие. Описание технологий этих процедур опущено в виду знакомства читателя с «отечественными аналогами».

Какова же цель столь старательного погружения читателя в архаическую культуру? Прежде всего, такое вхождение в темный мир африканской религии необходимо для уяснения главной магической процедуры — превращения гайтян в зомби. В основе этого процесса лежит вудуистская концепция человека. Суть ее заключается в том, что он представляет собой «несколько тел, наложенных друг на друга» (303): первое тело — физическое, доступное восприятию; второе — его энергетический дубликат, «дух плоти», не обладающий индивидуальным началом; третье тело — непосредственно душа. Она состоит из двух компонентов — «большого доброго ангела», тонкой энергетической субстанции, питающей «всё живое» (303), и ее индивидуализированной части — «маленького доброго ангела». Именно он становится объектом колдовских манипуляций, которые рассмотрены столь же подробно. Причем художник обращает внимание не только на физический, но и на психический аспект зомбирования. «Физика» этого процесса, изложенная в главах «Яды и процедуры» и «Фугу», сводится к следующему: «порошок зомби» с сильнейшим ядом тетродоксином, получаемым из рыбы Фугу, попадая в тело человека, погружает его в глубокий транс, похожий на смерть, и разрушает ту часть мозга, которая «ведает речью и силой воли» (305). После похорон зомбируемого откапывают и дают ему дурман, вызывающий потерю ориентации и амнезию. Пелевину же важно показать: физическая сторона производимых колдуном действий далеко не главная. Таинство превращения полноценной личности в «тело без характера и воли» (332) не столько в примене-

нии яда, сколько в модели поведения, подготовленной культурой и срабатывающей в процессе инициационных манипуляций.

В качестве иллюстрации приводится описание „команды смерти“. Представители разных культур, этнограф-европеец и туземец, по-разному реагируют на смертный приговор, объявленный им шаманом: местный житель, увидев направленный на него магический жезл, поймет, что его прокляли, вскоре заболеет и умрет, а ученый заметит лишь, как один из аборигенов размахивает перед ним каким-то предметом и что-то бормочет. Данный пример подчеркивает авторскую мысль о принципиально значимой черте любого влияния: психические механизмы формируются культурой, существуют исключительно в ее рамках и являются главным «оружием» в руках манипулятора.

Но интерес к магическим практикам Вуду, составляющим рабов-зомби, конечно же, не самоцель, на это указывает уже подзаголовок «опыт сравнительной антропологии». Более того, можно предположить, что описание homo vodoun и нужно было писателю исключительно для сопоставления с homo soviet, чему и посвящена вторая часть рассказа. Описание людей «далековатых» культур маркировано в тексте повторением одних и тех же синтаксических конструкций:

Если колдун попытается воздействовать на антрополога, то «европеец просто не поймет *значительности* происходящего — он увидит перед собой *невысокого* голого человека, махающего звериной костью и бормочущего какие-то *слова*» (311 — курсив наш).

«... абориген, попавший на сеанс Анатолия Кашпиrowsкого, вряд ли осознал бы *значительность* ситуации — скорее всего он увидел бы *невысокого* одетого человека, бубнящего какие-то *слова* и пристально глядящего в зал» (313 — курсив наш).

Таким образом, «психический фон», как отмечает автор, создается не только в архаических обществах, но и мастерски «изготавливается» в развитых странах всякого рода телегипнотизерами наподобие Анатолия Кашпиrowsкого. В свою очередь, синтаксические и лексические повторы в приведенных фрагментах свидетельствуют об однотипности психических реакций людей, принадлежащих к разным цивилизациям, а стало быть, опасности любых массовых манипуляций. Однако автору важно отметить и ограниченный характер влияния магических действий, так как они связаны с социокультурным континуумом, определяющим различие психических механизмов. Ведь, как замечает сатирик, австралийские колдуны не правят миром, а Кашпиrowsкий не стал «главным шаманом аборигенов» (313).

Таким образом, мы видим, что глава «*homo советский*», открывающая вторую часть рассказа, объясняется «ученым» дискурсом первой части. Сначала Пелевин изъясняет зомбификацию как феномен, органичный для архаичной культуры, ибо он лежит в основе управления первобытными народами, а затем, превращая прямой смысл, заключенный в этом феномене, в переносный, показывает его распространение на жителей СССР. Играя прямым и переносным значениями, Пелевин назидательно замечает, что управлять этими «жителями» «до недавнего времени было не многим сложнее» (313). В конечном счете, «научный» дискурс выполняет в тексте роль некой художественной условности, иронически «остраняющей» процесс превращения людей в рабов, которыми легко манипулировать, и избавляющей от привязки к определенным географическим широтам.

Сложнейшие явления социально-идеологической жизни нашей страны, пройдя через фазу трагедийно-фарсового осмысления в творчестве А. Платонова, М. Булгакова, И. Бабеля и др. 1920-х — 1930-х годов, у Пелевина 1990-х оказываются в зоне тотальной иронии, свойственной постмодернистской парадигме художественности. «Превалирование контекста над артефактом» (В. Курицын) позволяет писателю всесторонне показать «деконструирование» в советском человеке индивидуально-личностного начала.

На уровне приема здесь вступает в права антропология, не только сравнительная, но и игровая. В результате оказывается, что магия присуща советской эпохе едва ли не в большей степени, чем жителям Гаити. Только в отличие от островитян, подвергающихся воздействию магических ритуалов избирательно, советские люди зомбировались поголовно. Стадиальность этого процесса художник изображает следующим образом:

I. «Магия преследует» (313) человека с детства. Первая «инициация» — прием в октябрята. Ее символом является значок с «портретом кудрявого покровителя всей малышни» (313), а сутью — «игра» в будущее.

Всеохватность зомбирования, то есть зомбификация подчеркивается повествователем замечанием о раннем возрасте проведения «инициации» и репрессивным глаголом «преследует».

II. На втором этапе «инициации» маленькому советскому человеку присваивается новый магический статус — *пионер*, который оказывается сопряженным с обучением «начаткам ритуала» (313): салют, галстук и „честное пионерское“, причем внушается страх потерять/нарушить любой из «сакральных» артефактов / обещаний.

Страх с раннего возраста прививается «административно-педагогическим персоналом с целью упрощения „воспитания“ и управления» (314) и оп-

ределяет легкость манипулирования человеком. «Воспитание» в тексте стоит в кавычках, это указывает на утрату им своего первоначального смысла⁴. Похоже, что государство заинтересовано не в формировании духовно развитой личности, а в выращивании ущербного существа с травмированным сознанием. Умение использовать страх, чтобы подавить волю человека и остановить процесс развития личности, и есть то качество, которым вооружаются управленцы всех мастей. Поэтому они названы не теплым, душевным словом «учитель», а канцеляризмом «административно-педагогический персонал», в котором ощутима прямая связь с государственным аппаратом. Но это только «первоначальная пора» зомбирования личности.

III. Третьей массовой «инициацией» назван прием в комсомол. Здесь автор указывает на ее («инициации») новое и важное качество — интериоризацию (переход внешних структур во внутренний план). Этот переход достигается участием в «многочисленных и малозаметных магических процедурах» (314).

Как известно, интериоризация внешних ритуалов в сферу подсознания и обуславливает поведение человека. Пелевин обнажает суть «страшноватого» процесса, когда потенциальную полноту человеческой личности подменяет нечто малозначительное, но не раз повторенное.

IV. И наконец, последней ступенью «инициации» становится прием в партию и пребывание в ней.

В главе «*homo советский*» сатирик возвращается к вудуистской концепции души, иронически переосмысляя ее применительно к жителю СССР, у которого так же, как и у гаитянина, «помимо физического, имеется несколько тонких тел, как бы наложенных друг на друга: бытовое, производственное, партийное, военное, интернациональное и депутатское» (317). Именно «партийное тело» «укрепляется» в процессе магических инициаций (317), то есть человек, оказываясь во власти идеологии, переводит во внутренний план, углубляя в подсознании, различные директивы, социальные нормы, в результате чего формируется «внутренний партком». «Партийное тело» безраздельно овладевает мышлением. Если гаитянский колдун крадет «маленького доброго ангела», подчиняя человека своей воле, то КПСС этого «ангела» как бы подменяет «партийным» или иным телом, которое постоянно находится под контролем государства. Такого рода подмена

⁴ Согласно психологическому словарю, воспитание — «процесс социализации индивида, становление и развитие его как личности на протяжении всей жизни в ходе собственной активности и под влиянием природной, социальной, культурной среды» [Психологический словарь: URL].

приводит к тому, что человек оказывается «одержимым» коммунистической правдоверностью.

Автор приводит пример такого рода «одержания», цитируя «Постскрипtum», книгу мемуаров вдовы А. Д. Сахарова Е. Боннер, изданных как своеобразное послесловие к «Воспоминаниям» самого академика. Пассажирка поезда, в котором ехала Е. Боннер, узнав в ней жену Сахарова, заявила, что «она советская преподавательница (курсив автора) и ехать со мной в одном купе не может... Другая и мужчины стали говорить что-то похожее... Стали подходить и включаться люди из других купе... требовали остановки поезда и чтобы меня вышвырнуть. Кричали что-то про войну и про евреев... Мы протискивались мимо людей, и я прямо ощущала физические флюиды ненависти» (318). Именно «одержимое тело», вытеснившее из едущих душу, и определяет их поведение, страшное своей солидарностью. Мы видим, как созданные идеологией и усвоенные советским человеком модели поведения заставляют его действовать вопреки не только здравому смыслу, но и нравственным понятиям.

В свою очередь, такая система отношений между людьми зомбированными и «изгоями» держится на страхе первых утратить свою «правоверность» и страдании вторых, «виноватых без вины». Сила страха⁵, владеющая партийцами, проиллюстрирована известным анекдотом: на фестивале фильмов ужасов самой впечатляющей оказалась советская кинолента «Утрата партбилета». И такой успех не случаен, ибо партбилет символизировал собой жизненную субстанцию его владельца. Усечение человека, превращение его в «члена» оказывалось естественным в данной логике отношений⁶.

Пелевина интересует не только фигура партийного идеолога, но и мир, им созданный. А поскольку

⁵ Помимо культивирования постоянного страха, автор-повествователь называет «другим мощным зомбификатором» (325) службу в армии, именуемую «зомбилизацией», у которой есть и обратный процесс: «дезомбилизация». Сращение слов „зомби“ и „мобилизация“ рождает новый смысл термина: «приведение чего-либо или кого-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели» [Ефремова: URL] понимается теперь шире, как мобилизация в зомби, то есть акцентируется непосредственно процесс изменения состояния человека, в данном случае — его порабощения, «одержания» системой общественных, социальных и политических отношений.

⁶ Зарождение данной системы отношений впечатляюще показано А. Платоновым в повести «Сокровенный человек». Вот диалог ее главного героя Пухова и бывшего друга, теперь крупного партийного начальника Шарикова:

«— Пухов, хочешь коммунистом сделаться?

— А что такое коммунист?

— Сволочь ты! Коммунист — это умный, научный человек, а буржуй — исторический дурак!

— Тогда не хочу.

— Почему не хочешь?

— Я природный дурак...» [Платонов 2011: 234].

он (мир) сотворен по Слову, к Нему сатирик и обращается. Важность библейского «В начале было Слово», он подчеркнет в рассказе «ГКЧП⁷ как тетраграмматон», написанном чуть позже: «Опираясь на эту фразу из Библии, каббала — основа западного оккультизма — учила, что слово есть основа всего сотворенного, а раз слова состоят из букв, то и каждая буква может рассматриваться как обладающая реальным могуществом активная сила...» [Пелевин 2005: 291].

Первая обширная группа аббревиатур характеризует управленческий аппарат: «„Рай-со-бес“». „Рай-и-с-полком“». „Гор-и-с-полком“ (или, если оставить в покое древний Египет, „гори-с-полком“». „Об-ком« (звонит колокол?). „Рай-ком“». „Гор-ком“». „Край-ком“» (322). Разбивка на слоги помогает увидеть новый, порой неожиданный «слой» смысла, заключенный в приведенных словах. Их основу представляют сокращения разного рода комитетов (краевой, областной, районный, городской). Согласно толковому словарю, комитет — это 1) «коллективный выборный орган, руководящий какой-либо областью государственной или общественной деятельности; 2) Орган государственного управления, образуемый правительством для выполнения специальных функций» [Ефремова: URL]. Опираясь на лексическое значение этого слова, рассмотрим некоторые из аббревиатур более подробно:

«Рай-со-бес» — «районный отдел социального обеспечения» [Словарь сокращений: URL]. Средством раскладывания слова на слоги актуализируется сосуществование в нем добрых и злых сил, выраженных в обобщенных категориях рая и ада, а их противопоставление словно снимается подобием употребления грамматически зависимой формы сущ. в творительном падеже: (с чем?) с бесом. По вербальной логике сатирика любые действия государственного органа исполнительной власти предполагают некую демоническую сторону, хотя прямое значение слова подразумевает всяческую помощь гражданам.

«Об-ком (звонит колокол?)». Обком — «областной комитет, орган регионального управления структур КПСС» [Словарь сокращений: URL]. Об-

⁷ ГКЧП — самопровозглашённый орган, который состоял из представителей КПСС и правительства СССР и в августе 1991 года «осуществил попытку насильственного отстранения М. С. Горбачёва с поста Президента СССР, смены проводимого им курса и срыва намеченного на подписания Договора о Союзе Суверенных Государств» [Жаца 2003: 311]. С точки зрения создателей, введение чрезвычайного положения, контроль над СМИ и ряд других мер должны были помочь остановить распад СССР и восстановить порядок в стране, однако действия ГКЧП были восприняты как государственный переворот (получивший название «августовский путч»), члены ее — арестованы и позже отпущены до суда. М. С. Горбачев добровольно ушел в отставку, страну возглавил Б. Н. Ельцин.

единия ассоциативной игрой один из крупных механизмов власти с романом Э. Хемингуэя⁸, Пелевин показывает, что «колокол звонит» как по всему обществу, поработанному унифицированной идеологией, так и по каждому из его членов.

«Гор-и-с полком» (или «гори-с-полком») — «исполнительная власть городского уровня» [Словарь сокращений: URL]. Здесь интересен авторский намек на двоякое толкование. С одной стороны, упоминанием о египетском боге неба и света Горе⁹ сатирик подчеркивает величие и недостижимость власти для народа, а с другой — трактует первую часть аббревиатуры как глагол повелительного наклонения «гори», входящий в состав народной поговорки «гори оно всё синим пламенем», которая обозначает «проявление чувства безнадежности, безысходности, равнодушия к происходящему, отказ от дальнейших действий» [Словарь народной фразеологии: URL]. Вторая часть слова («полк») намекает на тесную связь властных структур с армией и полицией, ведь исконно главной задачей войск было защищать интересы государства и государя. В сходно образованной аббревиатуре «МОСГОРСОВЕТ» («Московский городской совет депутатов трудящихся» [Словарь сокращений: URL]) имя верховного божества редуцируется начисто.

К первой группе, содержащей названия органов управления, примыкают и сокращенные обозначения профессий политиков. Так, упоминание «партийного организатора», одного из главных деятелей в каждом отделении партии, сопровождается авторской иронией: «парторг (паром что ли торгует?)» (322). Обесмысливание работы партийного функционера показано сатириком посредством приема паронимической аттракции.

Вершиной разветвленного государственного аппарата, состоящего из разного рода комитетов, является ЦК КПСС («Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза» [Словарь сокращений: URL]). Под пером Пелевина эта аббревиатура

⁸ «По ком звонит колокол» — роман Э. Хемингуэя, название из проповеди английского поэта и священника XVII века Джона Донна, отрывок из нее стал эпитафией к роману: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши. <...> Я один со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе». [Серов: URL].

⁹ Гор — один из верховных богов древнеегипетского пантеона, бог неба, солнца и света, борющемся с силами мрака. По данным энциклопедии «Мифы народов мира», миф о Горе является «одним из наиболее ярких и полно сохранившихся мифов о борьбе солнца с врагами. ...Гор Бехдетский, считавшийся сыном Ра, сам почитался как солнечное божество, воплощённое в образе сокола. Миф повествует о том, как Гор, сопровождая ладью Ра, плывущую по Нилу, побеждает всех врагов великого бога ... Уничтожается и предводитель врагов Сет, олицетворяющий всех чудовищ. ... Гор стал почитаться как бог — покровитель царской власти». [Рубинштейн 1980: 424].

тура звучит как «Цэкака Пэээс, про который известно, что он ленинский и может являться народу во время плена ума (*плenums*) (курсив автора)» (322). Уничжительная фонетическая запись «главной» аббревиатуры страны, где актуализировано детское слово «кака» (что значит «плохо», «гадость»), нивелирует ее смысл и высокий статус. Окончательно развенчивается эта могущественная аббревиатура семантическим сближением со словом пленум, прямое значение которого, согласно словарю Т. Ф. Ефремовой: «заседание членов выборного руководящего органа какой-либо организации в полном составе» [Ефремова: URL]. Актуализация его внутренней формы рождает в сознании читателя образ людей, «пленных» разного рода директивами, постановлениями, приказами, «сочиненными» «Цэкакой».

Теперь обратимся ко второй группе аббревиатур, включающей в себя названия служб и предприятий, поддерживающих жизнь социума: «ЦПКТБТЕКСТИЛЬПРОМ» («центральное проектно-конструкторское и технологическое бюро текстильной промышленности» [Словарь сокращений: URL]), «МИНСРЕДНЕТЯЖМАШ» («Министерство тяжёлого машиностроения СССР» [Словарь сокращений: URL]), «МОС-ГОР-ТРАНС». Автору важно обратить внимание читателя на хаотичное нагромождение букв, рождающее ощущение «непреклонной и нечеловеческой силы — ничто человеческое не может так называться» (323). Многобуквенные сочетания согласных подобно древней абракадабре заставляют смысл раствориться и, в конечном счете, исчезнуть, как происходит, к примеру, в невыговариваемом ЦПКТБ.

Однако фонетическое неблагозвучие не исчерпывает авторской игры с буквенными образованиями. Одним из ее вариантов оказывается разделение аббревиатур на слоги, а точнее, на своеобразные слова, наполняемые автором субъективным смыслом. Например, «МОС-ГОР-ТРАНС» («государственное предприятие, выполняющее «городские и пригородные перевозки автобусами, городские перевозки троллейбусами и трамваями» [Положение 1999: URL]). Способ «игрового» сокращения слова «транспорт» до окказионализма «транс», имеющего принципиально иное лексическое значение, важен Пелевину возможностью извлечения нового, адекватного ситуации смысла. Предельная насыщенность транспортной жизни столицы, которая приводит к многочасовому стоянию в пробках, лишая человека способности двигаться даже со скоростью пешехода, погружает его тем самым в состояние транса, то есть помрачения сознания.

Ко второй группе можно отнести также ряд различных управлений, связанных с бытовой сферой пребывания человека: «Французские мокрушники ЖЭК, РЭУ и ДЭЗ, плотоядное ПЖРО и пантагрюэли-

стически-фекальное РЖУ-РСУ No 9» (322). В этом фрагменте автор вновь играет словами, но теперь уже эта игра основана на возникающих в его сознании фоносемантических ассоциациях. Названное плотоядным ПЖРО («производственное жилищно-ремонтное объединение» [Словарь сокращений: URL]) вызывает фонетические ассоциации с глаголом «пожирать». В характере звучания аббревиатур ЖЭК («жилищно-эксплуатационная комиссия»), РЭУ («ремонтно-эксплуатационное управление») и ДЭЗ («дирекция эксплуатации зданий») [Словарь сокращений: URL] В. Пелевину слышатся артикуляционные признаки французского языка, которые в применении к коммунальным службам и создают иронию. Деятельность отмеченных выше предприятий автор характеризует жаргонизмом «мокрушники», заставляя читателя предположить, что нечестное оценивание заведомо непригодных для жизни домов и для вождения машин дорог, сродни убийству.

Третья группа сокращений, обозначающих учебные заведения, строится по аналогичному принципу: «„тех-ни-кум“, „пэтэу“, „МИИГАИК“» («Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии» [Словарь сокращений: URL]) (322). К примеру, в слове «тех-ни-кум» семантическим слогоразделом оказывается частица «ни», «оценивающая» качество образования: возможность получить техническую профессию подвергается сомнению путем отрицания «кумовства».

Итак, анализ рассмотренных аббревиатур дает возможность выделить ряд приемов, которые проявили мир, сотворенный по слову зомбированного человека. Первый прием — актуализация материально-звуковой оболочки слов при помощи разделения их на слоги, его использование «рождает» новые семантические значения, участвующие в сотворении унифицированного мира, то есть дает возможность ассоциативно «разглядеть» в слове «новые», не замеченные ранее смыслы. Второй — беспорядочное нагромождение в словах гласных и согласных звуков, подчеркнутое звукописью, превращающее их в своеобразную «абракадабру»¹⁰ — древнее заклинание, формулу исчезновения, которая заставляет «исчезать» заложенные в них смыслы. Все эти приемы и являются способами сатирического осмысления действительности.

Рассказ «ГКЧП как тетраграмматон» является своеобразной вариацией на ту же тему, что и «Зом-

бификация», но он написан в 1993 году, то есть исторически находится уже в пространстве другой, постсоветской эпохи. Это и определяет несколько иной окрас поэтики аббревиатур. В нем писатель повествует о «древней коммунистической магии, с помощью которой генсеки былых времен одолевали врагов и убеждали народ в том, что он сыт...» (293).. Процедура коррекции истории осуществлялась «...при помощи комбинирования определенных букв и соответствующих волевых актов» (293). Каждая буква, согласно каббалистическим представлениям, обладает неким потенциалом, способным влиять на окружающую реальность, поэтому большевики, по мнению автора, избрали аббревиатуры «орудием» управления страной.

Неоднократно откомментированные историками события: крушение Российской империи и приход к власти социал-демократической рабочей партии, позже переименованной в КПСС, — под пером сатирика предстают в несколько ином свете. Возвращаясь к анализу коммунистической эпохи, Пелевин показывает в этом рассказе полное «исчезновение» человека «волящего» при помощи «могущественных буквосочетаний ВЧК и ГПУ» (292) («Все-российской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем» и ее преемником — «Государственным политическим управлением» при НКВД [Словарь сокращений: URL]). Напрямую связанные с репрессиями и гонениями, эти органы оправдывают свои действия любовью к родине, лишая жизни миллионы «ненужных» и опасных для нее людей, то есть, показывая геноцид власти по отношению к собственному народу.

По сути, поэтика аббревиатур в «ГКЧП...» изъясняет крах процедуры зомбирования как определенного типа руководства народом, сатирически истолкованный утратой политиками тайного знания при составлении заклинаний, а именно: провал обусловлен неучтенным при создании грамматонов комбинациями ГК, то есть «гинекологическая клиника», и ПК, то есть «пожарный кран». Этот просчет, сопровождающийся испортившейся погодой и мелькнувшими на улицах танками, срывает магическую операцию.

Итак, мироустройство первых рассказов, проявленное поэтикой аббревиатур, потрясает «ячеистостью» как по горизонтали, так и по вертикали, что позволяет властным структурам осуществлять тотальный контроль над жителями страны, иронически уподобленный Пелевиным вудуистским магическим практикам.

Уже в раннем творчестве Пелевин пытается обнаружить гротескные следствия коммунистической утопии, реализованной в качестве социальной программы, на новом витке исторического развития страны. Формирование его поэтики как сатирика начинается с семантической «игры» аббревиатура-

¹⁰ Изначально абракадабра — «магическое слово, употреблявшееся в древности и в средние века как заклинание против разных болезней. Его выписывали столбиком на дощечке 11 раз, последовательно уменьшая его на одну букву; в результате получался треугольник. Такое постепенное укорачивание этого слова будто бы постепенно уничтожало силу злого духа». [Лит. Энциклопедия: URL]. По словарю Т. Ф. Ефремовой, современное значение слова — «непонятный набор слов; бессмыслица, нелепость» [Ефремова: URL].

ми. Важность этой «игры» заключается в «технике» «краткого» моделирования всеобъемлющих государственно-политических «сущностей», главной из которых является способность к манипуляциям сознанием и поведением людей.

Кроме того, анализ «Зомбификации» и «ГКЧП как тетраграмматона», создание и публикация которых были разведены августовскими событиями 1991 года, показал, что в художественных приемах, изображающих советскую и постсоветскую эпохи, нет особой разницы. Следует учитывать лишь нарастание гротескных образов в последнем рассказе.

ЛИТЕРАТУРА

Выдержка из Постановления Правительства Москвы № 239-ПП от 30 марта 1999 года // URL: http://mintrans.ru:8080/pressa/kol_2.2.htm (дата обращения 24.04.2013).

Данные об авторах

Хрящева Нина Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: ninaus@olympus.ru

Федотова Евгения Сергеевна — соискатель кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: evgenija_1991@mail.ru

About the authors

Nina Petrovna Hryasheva is a Doctor of Philology, professor of Modern Russian Literature Department of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Fedotova Evgeniya Sergeevna is a Applicant of the Modern Russian Literature Department of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg)

Ефремова Т. Ф. Толково-словообразовательный словарь // URL: <http://efremova.slovaronline.com/> (дата обращения 21.11.2013).

Кацва Л. А. Советский период. (1917–1991) Учебное пособие. — М.: РГУ, 2003.

Литературная энциклопедия // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/23/Абракадабра (дата обращения: 20.12.2013).

Пелевин В. О. Relics: Избранные произведения. — М.: Эксмо, 2005. — С. 297–333.

Пелевин В. О. Ананасная вода для прекрасной дамы / В. Пелевин. — М.: Эксмо, 2011.

Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011.

Рубинштейн Р. И. Египетская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. — Т. 1. — С. 420–427.

Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений // URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/15/77.htm> (дата обращения: 16.03.2013).